

Импровизация на тему любви

Москва правда - 1996 - 21 марта - с 3, 5.

Кружка хорошего пива, скоростной взгляд на чьи-то длинные ножки, долгие разговоры о музыке... Все знают Петровича именно таким - ироничным, дружелюбным, немного мечтательным. Недавно он признался, о чем мечтает, когда слышит хорошую музыку - что-нибудь из старого доброго джаза или классического английского рок-н-ролла. О музыке, о трепетной строке, которую напишет когда-нибудь. И я верю, что обязательно напишет, потому что существует пустота, некий пробел в эфире да и в душах людских - ведь есть много свежих и милых мотивчиков, но так мало зрелых и профессиональных вещей. Именно музыки.

Иногда Владимир Петрович говорит - а надо ли это? А услышат ли? Надо, услышат. Даже те, кто привык к фальшивым нотам, даже те, кто сторонится понятия Гармония. Держат в руках, как египетскую амфору, не зная, как употребить.

Музыканты, которые знают, как открыть источник, - в дефиците. Потому что истреблена школа, потому что теперь у нас делают звезд на час, потому что снисходительное отношение к мастерам. И Петрович вспоминает Пушкина: «он старомоден - вот расплата за то, что моден был когда-то...» Но только это не о нем. Ведь есть слово «модное», а есть - «настоящее». А эти термины даже лексически несопоставимы.

Владимир Петрович Пресняков был возвели-

чен, и не раз. То Патриархом назовут, то «легендой русского джаза», то журналисты сочинят эпитет вроде «короля саксофона». И что интересно в свете всеобщей меркантилизации - называли совершенно бескорыстно. Но попадали в «яблочко». Хотя по природной скромности Владимир Петрович заслуги свои перед мировым сообществом преуменьшает и к громким словам иронично относится: «Ну какой я патриарх? Я просто музыку люблю...»

И вот Преснякову-старшему - 50. Отнимите лет 15 на морально-нравственное созревание, и остальное - все отдано становлению музыкальному. Свердловский джазовый оркестр, ансамбль «Самоцветы» как великолепная стартовая площадка для советского музыканта, десятки популярнейших и сотни просто классных душевных композиций. Цикл «Гороскоп» и рок-мюзикл «Улица», саксофоновая версия битловского «Серджанта Пеппера» - как творческий эксперимент и как воспоминание о буйной молодости. Альбом «Депрессия» - как отличное созвучие мелодий Андрея Державина и сакса Преснякова, как ностальгия о чистом чувстве, новый проект с Александром Кальяновым - как философско-лирический итог. Что дальше? Может, та самая мелодия, которая сложится из городской ночи, крепкого кофе и тысячи импровизаций на тему любви.

ОКОНЧАНИЕ НА 3-Й СТР.

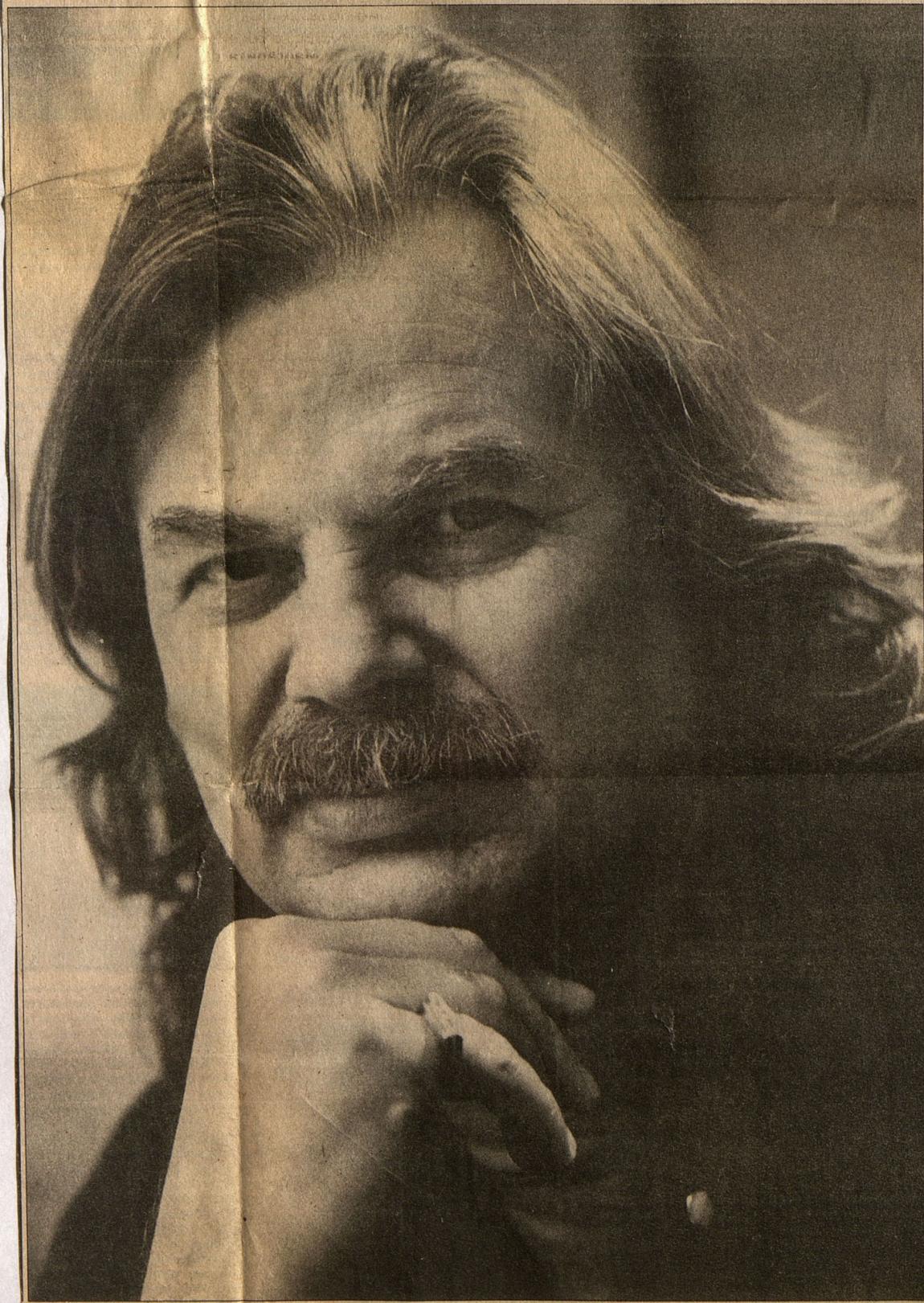

Фото Александра ВОЛОДИНА.

Импровизация на тему любви

Начало на 1-й стр.

1. О Музыке

- В преддверии юбилея предвижу хлопоты, мажорное настроение, и смокинг спешно подгоняется по фигуре...

- А настроение совсем другое. Не хочется ничего пафосного, громоздкого, официального. Лучше просто дружеская компания, немного музыки, шуток и вина. А насчет смокинга я разделяю скептицизм - для человека, привыкшего к джинсам и прочему рок-н-рольному стилю жизни, это невероятное страдание - следовать этикету. Меня всегда вгонял в скуку юбилейный официоз из Колонного зала. Во мне еще слишком много всяких мальчишеских замашек, и совсем не греет мысль превратиться в такого солидного, маститого, глубоководжаемого юбиляра.

- А в целом ваши ощущения по поводу текущего момента?

- В новом альбоме мы с Сашей Кальяновым записываем дуэт, мне кажется, этот диалог доподлинно передает мои чувства:

- Здорово, старина, не выпить ли вина, и посидеть, как прежде мы сидели?

- Ты знаешь, между дел я малость посидел, и стал почти седым на самом деле...

- Послушай, старина, не слушай ни хрена о том, что времена свистят над ухом.

- Да я и сам бы рад, да только знаешь, брат, я наделен не голосом, а слухом...

Пускай со временем меняется страна, пускай давно бутылка с юношью распита. Да только нас не изменили времена, мы слышим музыку, где музыка забыта...

- Здорово, старина, ну как живет страна, какие струны душу задевают?

- Да струн полно вокруг, да только знаешь, друг, музыке никто не вспоминает...

Я тоже иногда сетую, что времена настали грустные, но говорят друзья - все о'кей, надо просто кить в музыке, работать, сочинять. Слова к этой песне, как и многим другим с этого альбома, написал известный московский поэт Александр Вульх.

- Знаю такого. Всегда провоцирует лирико-грустный настрой.

- И в чем-то мне очень созвучный.

- Ловлю на слове - какие струны душу задевают?

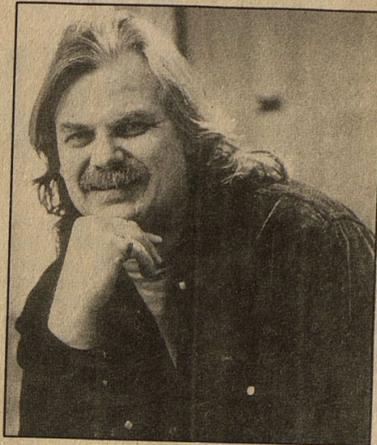
- Музыка и то смешное шоу, которое делается, если ее нет, а только попытки что-то изобразить в плане семи нот. И то, что много талантливой молодежи, но ей гораздо труднее пробиться, чем в свое время было нам. Ко мне очень часто подходят молодые одаренные ребята - «Владимир Петрович, не могли бы порекомендовать, чтобы нас по ТВ показали...» И я пытаюсь помочь, но встречаю неизбежный вопрос - а спонсоры у них есть? Нет... Ну тогда какой разговор?... И не хочется мне этим молодым музыкантам объяснять «политику», и чувствую себя при этом как-то неудобно.

- Шоу-бизнес с акцентом на второе слово. Кормушка для журналистов и прочих сопричастных. А каково ваше отношение к околомusical журналистике?

- Сейчас модно критиковать - в музыке никто ничего не понимает, а все говорят!.. В ней не обязательно разбираться даже тем журналистам, которые пишут о музыке. Минимальный ликбез пройти, чтобы знать хотя бы, что нот не семь, а двенадцать, и это достаточный «прожиточный минимум».

Для того чтобы писать о музыке, важно ее чувствовать. Не обязательно иметь абсолютный слух, но важно обладать, к примеру, чувством юмора.

Вот Отара Кушанашвили упрекают подчас, что он не разбирается в музыкальных тонкостях, но я

нередко ловил себя на мысли, что он пишет о том же, что я иногда чувствую сам.

- Например, «запах моченой антоновки» при прослушивании альбомов Державина, Кая Метова, Белоусова...

- Как бы то ни было, Отар изобрел жанр, которому многие стали резко подражать, писать не о музыке, а об ощущениях, которые испытываешь при ее прослушивании. Во всяком случае это лучше, чем беспреданно сравнивать с Тини Тернер или Полом Маккартни. Честное.

А иногда читаешь газету - «ее песни как терпкое сладкое вино...», потом открываешь другую - «ее музыка как сладкое терпкое вино...» И фамилия автора вроде другая, но невольно улавливаешь одно перо, журналиста, который, в общем-то, честно отработывает свой хлеб, но прижимист до разнообразия (не путать с безобразием).

- Вы по-прежнему все газеты читаете, как раньше?

- Нет, сейчас их слишком много. Успеваю прочесть «МК», «Комсомолец», «АиФ», «Джокер», «Московскую правду» - все приложения, кроме «Московского строительства» и «Зазеркалья» про потусторонний мир, мне это не очень интересно.

Из музыкальных телепередач - «ПОСТ» музыкальные новости», «Музобоз», «Акулы пера». О последней - хорошая передача, смешная. Свообразный детектор лжи. Если журналист не в материале, все развлекаются за его счет, если «укусили» артиста - все ждут, как он выкрутится. Грамотная передача.

2. О женщинах

- Владимир Петрович, не стерлись в памяти моей новогодние пожелания, которые вы адресовали музыкантам, начинающим саксофонисткам - «где саксофон берется в рот - с трубой совсем наоборот...», клипмейкерам - «для того чтобы просто снять зека на нарах, нет нужды целый год просидеть на Канарах», и что-то вроде из джентльменского набора - «аптека, Верник, улица, фонарь», ну и конечно, женские ноги из «Мерседеса». Что вы можете посоветовать теперь?

- Для начинающей певицы - ну, например, сообщить, что она поругалась с Аллой Пугачевой, или где-нибудь обронить в интервью, что Алла Борисовна перекрыла ей кислород. Это очень рекламный жест, как в басне - ай, Моська, знать она... талантлива и перспективна в целом.

Потом забавно выглядит, когда артист поет песенки, - не обремененные хорошей музыкой и смыслом, а когда спросят, кто его кумиры, так он такой список приводит - Стинг, Стиви Уандер, Рэй Чарльз, Фил Коллинз... Никто не признался еще, что «Modern Talking» или «Ase of Base». А это было бы, наверное, ближе к истине...

Многие стали говорить о своей причастности к джазу. С одной стороны, это радует - все, чем я занимался столько десятилетий, вдруг входит в моду. И продюсеры говорят - сейчас это касса, а если касса - джаз, то певец и джаз споеет. Только для них джаз - всего лишь словечко такое импортное. А ведь это сложная музыка, где многое надо уметь, и фонограмма здесь невозможна. Но - Бог им всем в помощь, «come on, baby!», а я Чарли Паркера послушаю. После него я начинаю мечтать - хорошо бы и мне что-то подобное сделать...

- А что мешает?

- Да безалаберность. Это я последний месяц не отхожу от инструмента, записываю, что-то сочиняю. А так - футбол, сауна, пиво, анекдоты травил, на девушке поглядывал... Но ведь еще Фрейд говорил о том, что женщина - это единственный стимул творчества.

- Разовьем тему красивых девушек. Как давно вас перестала ревновать жена Лена?

- Трудно сказать. Не так давно она меня упрекнула, что я там загляделся на кого-то. И ответил я: ты думаешь, если я на диете, так не могу меню рассматривать?

- Ловко. А были попытки со стороны женщин увести вас из семьи?

- Но шансов не было. Патриархальные устои, строгие правила, заложенные еще генетически. Да и не знаю, кто бы мог примириться с моими привычками.

- Сибаритством?

- И этот грех есть. Еще - неразговорчивость.

- Не могу поверить.

- Бывает... Люблю хорошее пиво, хорошую музыку и хорошую компанию. В остальном - достаточно примерный.

P.S. О том же свидетельствую. У нас был астральный роман. Он начался несколько лет назад, когда было написано «Соло для двух саксофонов», полусэссе в стиле Василия Акуленова о любви двух сердец к джазу. Я сыграла там роль женщины, которой немного за сорок, пронесшую любовь к саксофонисту сквозь полную городскую романтики жизнь. Петрович сыграл роль этого саксофониста. Нереальный сюжет, сумасшедшая фантазия о том, что музыка вечна, лишь стирается блеск в глазах и в волосах появляется немного седины. Но так же трепетно поет сакс. Потому что саксофон Петровича - это совершенно особая тема. Тоска по идеалу, стремление к вечности. Это был роман без хэппи энда, но с красивой мечтой о музыке, которая слышна не многим.

К чему воспоминания о событиях трех или более летней давности? Только лишь оправдать свое чрезмерно трепетное отношение к герою. Персоне этого интервью.

Теперь мне немного за 20. Владимиру Петровичу 26 марта исполняется 50. Может, светская хроника к этому дню запретит сообщениями типа «юбилей у Преснякова-старшего...» были «звезды», «осетры» и «акулы», и одеты неплохо и стильно...» - в общем, в рамках сумбурно-крикливой газетной стилистики. Но не будет этого разговора - за чашечкой кофе, на кухне, у окна с каким-то нелепым урбанистическим пейзажем...

ОЛЬГА ПЕЧКОВА.